

Н.Р. Мадаминова
Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент
Ф.Н. Джалилова
Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент
E-mails: alecsandriya@mail.ru
aysha88@mail.ru

О СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ОРУДИЙНОСТЬ» В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматривается семантическое поле «орудийность» в русском и узбекском языках, которое в общих чертах имеет идентичную структуру, однако соотношение между средствами выражения орудийности на разных языковых уровнях проявляет существенные черты алломорфизма: значение орудийности передается через падежные системы, непр производные и производные лексемы со значением орудийности, составные номинации.

Ключевые слова: семантическое поле, орудийность, узбекский язык, русский язык, концепт «орудие».

N.R. Madaminova
Uzbek State University of World Languages, Tashkent
F.N. Jalilova
Tashkent State Pedagogical University, Tashkent
E-mails: alecsandriya@mail.ru
aysha88@mail.ru

ON SEMANTIC FIELD "INSTITUTION" IN RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Annotation. The article deals with the semantic field «tools» in the Russian and Uzbek languages, which in General has an identical structure, but the relationship between the means of expression of tools at different language levels shows significant features of allomorphy: the value of tools is transmitted through case systems, non-derivative and derivative lexemes with the value of tools, composite nominations.

Keywords: semantic field, instrument, the Uzbek language, Russian language, concept «instrument».

В последние десятилетия, как известно, произошла смена жесткой системно-структурной парадигмы, предопределенной трудами Ф. де Соссюра и ранних структуралистов, антропоцентрической, гуманистической парадигмой, обоснованной прежде всего в трудах В. фон Гумбольдта. Она тесно связана с изучением духовного мира народов через исследования языковых картин мира, то есть образ мира, данный человеку через язык (прежде всего через родной

язык), которые имеют и собственно гуманитарный, и структурно-семантический аспекты. В этом плане актуально изучение специфики отражения базовых понятийных концептов отдельных языков в соотношении с их языковой детерминантой – ведущий типологической тенденцией.

Одним из воплощений сложного соотношения универсальных и своеобразных, алломорфных явлений в языках разных типологических характеристик являются семантические поля.

Понятийные категории, впервые выделенные Аристотелем, универсальны, поскольку применимы ко всем языкам. Они являются концептуальным центром семантических полей, которые мы определяем как единство базовых понятийных концептов и разноуровневых средств их выражения.

Важнейшей среди них является категория «сущность», которая может быть подвергнута членению по разным основаниям. Чрезвычайно важно противопоставление сущностей по семантико-синтаксическим позициям в составе простого предложения; в этом аспекте представляется актуальным разграничение прежде всего понятий «субъект» и «объект».

Орудие в этом смысле противопоставлено объекту как действующее, активное начало, отличающееся, однако, от субъекта несамостоятельностью, ролью и позицией посредника.

Концепт «орудие» относится к числу базовых концептов любого языка, однако исследование его как бы заслонено исследованием семантики деятеля (агента).

Семантический концепт «орудие» в русистике изучался в рамках разных моделей функциональной грамматики, в частности, в работах А.В. Бондарко и О.М. Ким. В узбекском языкознании он исследовался в работах общего характера, прежде всего в трудах А.Н.Кононова.

Одним из факторов системности языка является семантическое поле, объединяющее на основе концептуальной семантики средства разных языковых ярусов.

«ПОЛЕ – совокупность языковых (гл. обр. лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений.

Семантическое поле характеризуется связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц, относительной автономностью полей, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка. Структура семантических полей обычно исследуется методами компонентного анализа, оппозиций» [8, с. 3487-3490].

Русский и узбекский языки являются неродственными языками и характеризуются принадлежностью к разным типам языковой структуры. Русский язык по генеалогической классификации – индоевропейский, славянской группы, восточнославянской подгруппы; по типологической характеристике – это язык флективного (фузионного) типа, с существенными чертами аналитизма.

Узбекский язык – это язык, принадлежащий к тюркской языковой семье, агглютинативный по структуре, причем сохранивший признаки агглютинативного строя и в грамматической, и в словообразовательной системах. В то же время черты аналитизма характерны и для узбекского языка.

У.К. Юсуповым разработаны основные принципы сопоставительного изучения языков: принцип системности, терминологической адекватности, достаточной глубины сравнения, двусторонности сравнения, учета функциональных стилей, принцип учета родства и типологической близости языков, принцип учета межъязыковых интерференций и др. С нашей точки зрения, принцип системности реализуется прежде всего в системном учете межъязыковых связей, в данном случае – связей между грамматикой и лексикой,

ведь именно грамматические системы русского и узбекского языков характеризуются максимальным типологическим контрастом.

В русском языке имя существительное – «это часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) и выражающая это значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода» [9, с.460].

В «Русской грамматике» в числе грамматических категорий имен существительных не названа категория одушевленности (деление существительных на одушевленные и неодушевленные признается только как лексико-грамматический разряд), однако большинство вузовских учебников выделяет данную категорию, например: «Морфологическими признаками имен существительных является их изменяемость по падежам, а также наличие грамматических категорий рода, числа, одушевленности и неодушевленности» [2, с. 155]. Именно необходимость делить имена существительные, в том числе и неодушевленные, на три грамматических рода, представляет собой важнейшую черту типологического контраста по отношению к узбекскому языку.

Категория падежа наличествует и в русском, и в узбекском языках, однако принципы ее организации разные.

В узбекском языке «имени существительному присущи следующие грамматические категории: категория числа, категория принадлежности, категория склонения (падежи и послелоги), категория определенности и неопределенности, категория лица и не лица, имена существительные имеют собственную систему словообразования.

А.А. Азизов подчеркивает, что категория принадлежности – «своеобразное специфическое грамматическое явление, присущее тюркским языкам, которым выражается отношение принадлежности между лицом обладателя и предметом обладания» [3, с. 35]. Наличие в узбекском языке

данной категории отражается и в системе терминообразования, ее аналитической части (составные номинации).

Категория числа характеризует субстантивную систему обоих сопоставляемых языков, однако организация ее в каждом языке совершенно различна. В русском языке наряду с существительными, парными по числу, выделяются еще существительные, употребляющиеся только во множественном числе (*singularia tantum*) и существительные, употребляющиеся только во множественном числе (*pluralia tantum*).

«В узбекском языке понятие категории числа значительно отличается от такового в русском языке. В составе существительных в узбекском языке вообще нет таких, которые имели бы только формы единственного числа или только формы множественного числа..., так как в узбекском языке нарицательные существительные выражают обобщенное представление о предмете, то большинство существительных в форме единственного числа может выражать идею как единственного, так и множественного числа. Формы же множественного числа существительных, в отличие от форм единственного числа, часто показывают не только множество, но и разнообразие предметов: **олма** – яблоко, яблоки, но **олмалар** – яблоки (множество и разнообразие сортов)» [3, с. 28].

Дифференциальными признаками существительных со значением орудия в русском языке являются следующие:

- 1) это существительные конкретные неодушевленные;
- 2) это существительные, парные по числу; однако часть орудийных существительных являются имена *Pluralia tantum*: **вилы, грабли, клещи, кусачки, ножницы, носилки, плоскогубцы, пассатижи, щипцы** и т.д.;
- 3) орудийные существительные распределены по трем грамматическим родам, однако наиболее частотными являются мужской и женский род по сравнению со средним родом, ср.: **нож, топор, напильник, умывальник; ложка, вилка, газонокосилка, открывалка; сверло, седло, ружье** и т.д. Этим

орудийные существительные отличаются от абстрактных, в которых преобладает средний и женский род.

В узбекском языке выделяются существительные собственные и нарицательные, абстрактные и конкретные, личные и неличные; обращает на себя внимание существенное различие в организации лексико-грамматических разрядов (ЛГР) имен существительных в русском и узбекском языках, которое определяется различной организацией грамматических систем. «В узбекском языке, как и в других тюркских языках, нет непосредственных грамматических категорий одушевленности и неодушевленности, поскольку в узбекском языке категория одушевленности и неодушевленности никак не дает себя знать в склонении... (что в первую очередь связано с отсутствием в тюркских языках категории грамматического рода) и поскольку различие непосредственно проявляется лишь в применении вопросительных местоимений **ким** (кто) и **нима** (что), то речь может идти только о категории лица и не-лица» [7, с. 74]. Поэтому выделение личных и неличных конкретных существительных в отдельный ЛГР (подразряд конкретных существительных) имеет еще больше оснований, чем в русском языке, так как подкреплено четкой грамматической оппозицией личных существительных неличным, в том числе и зоонимам (в узбекском языке по отношению к названию животного применяется вопрос «нима»).

Итак, дифференциальными признаками существительных со значением орудия в узбекском языке являются следующие:

1. Это существительные конкретные.
2. Это существительные, относящиеся к зоне не-лица.
3. Это парные по числу существительные.
4. Это существительные с грамматическим значением принадлежности.

Следует обратить внимание на пересечение отдельных ЛГР, а также лексико-семантических групп (ЛСГ) и тематических групп (ТГ). Сложные, пересекающиеся отношения в системной организации лексики проявляются в

том, что одна и та же лексема может входить в определенные ЛГР и ЛСГ (как более частные подразделения ЛГР) или ТГ; для многих многозначных слов характерно вхождение разных лексико-семантических видов (ЛСВ) в разные группировки, например, лексема **медведь** по первому значению – зооним, а по второму «грубый, невежественный человек» – личное существительное.

Итак, существительные со значением «орудие» и в русском, и в узбекском языках представляют собой настолько тесное семантико-грамматическое единство, что их можно рассматривать как отдельный ЛГР, подразряд конкретных существительных. Существительные со значением «орудие» являются лексической составляющей семантического поля «орудийность».

Главное синтаксическое средство выражения орудийности в русском языке – специфическое орудийное значение творительного падежа – орудийное (рубить дрова **топором**, пилить дрова **механической пилой**, писать записку **карандашом** и под.). В данную позицию могут попасть и существительные неорудийной семантики, которые в данном контексте также приобретают значение орудийности (разрушить начинание **грубым вмешательством**, доказать теорию **экспериментом**, подтвердить предположение **количественными данными** и под.). Орудийное значение твор. п. необходимо отличать от других его значений, прежде всего объектного и субъектного (ср. любоваться **закатом**, гордиться **дочерью**, заниматься **математикой** / созданный **специалистом**, открытый **крупными учеными** и под.). Именно орудийное (в иной терминологии – инструментальное) значение следует считать главным, базовым значением творительного падежа, так именно это значение наиболее четко противопоставляет этот многозначный падеж другим падежам в пределах русской падежной системы.

В русском языке мощным средством выражения орудийной семантики является также продуктивная словообразовательная категория (СК) «орудийность», ядром которой стали такие производные существительные, как **холодильник, паяльник, морозильник, будильник, умывальник, доильник,**

бороздильник, гасильник, веялка, сеялка, прялка, выбивалка, молотилка, зажигалка и др., а периферией – существительные с менее продуктивными в настоящее время суффиксами **точило, грузило, кадило, колун, погремушка, колотушка** и др.

В узбекском языке грамматическое выражение орудийной семантики также связано с падежной системой, а именно с таким алломорфным для флективных языков, в том числе и для русского, классом служебных слов, как послелогов. «Послелогов – особый разряд слов, служащий для выражения инструментальных, целевых, причинных, временных, пространственных, направительных, уподобительных и др. отношений между именами или между объектом и предикатом. Послелогов ...ставятся после управляемого слова, лексическое значение послелогов, как правило, проявляется каждый только в связи с именем» [7, с. 56]. Выражение значения «орудие» в узбекском языке связано с послелогом **билан**, который является многозначным и выражает также значения комитативности (совместности), временное, пространственное, причинное [7, с. 57 -60].

А.Н. Кононов вместо термина «орудийное» употребляет термин «инструментальное значение» (что характерно также для терминологии структурализма): «Инструментальное значение в прямом и переносном смысле этого слова, т.е. **билан** обозначает орудие, инструмент, средство, с помощью которого, при посредстве которого что-то делается, осуществляется, производится» [7, с. 58].

По словам А.А.Азизова, «в узбекском языке творительного падежа нет, и значения этого падежа русского языка выражаются различными грамматическими средствами... творительный прилагольный в основном употребляется / в русском языке – Ф.Д./ для выражения орудия или средства, при помощи которого производится действие. Такое значение в узбекском языке чаще всего выражается формой именительного падежа (бош келишик)

имен существительных с послелогом **билан**. Приведем несколько примеров:

Нужно писать карандашом. – Калам билан ёзиш керак.

Режьте хлеб ножом. - Нонни пичок билан кесинг.

Павлуша мешал кашу ложкой. – Павлуша буткани кошик билан кавлар эди» [3, с. 55].

Общая структура семантического поля «орудийность» в русском и узбекском языках совпадает и может быть представлена следующей схемой.

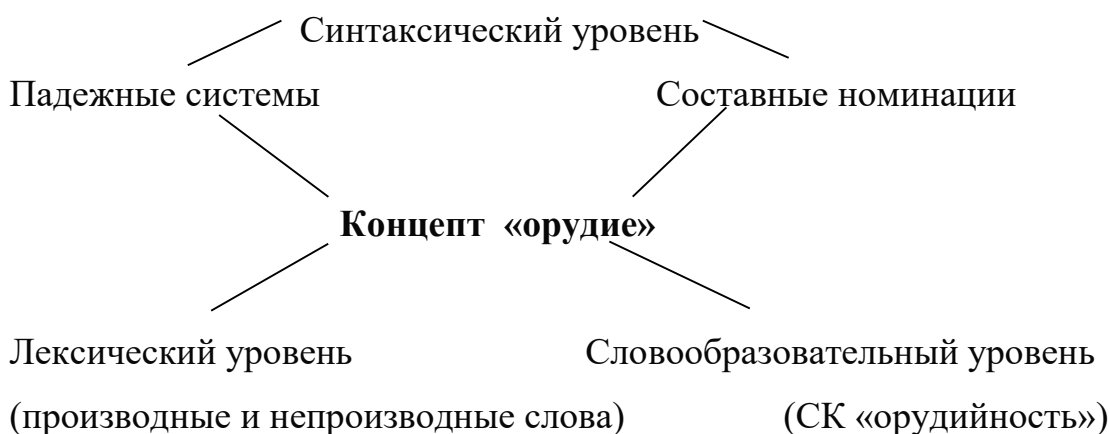

Рис 1.

СК «орудийность» в узбекском языке реализуется целым рядом аффиксальных формантов, однако ядерные аффиксы здесь выделить затруднительно, ср.: **чалғи** «коса», **чопқи** «тяпка», «сечка», **супурги** «метла, веник», **сузғич** «цедилка», **биркитғич** «скрепка», **чизғич** «линейка», **сўрғич** «соска», **қопқон** «капкан», **босқон** «большой кузнечный молот», **елкан** «парус», **тиқин** «затычка, пробка», **тароқ** «расчёска», **ўроқ** «серп», **шақилдоқ** «погремушка», **урчуқ** «веретено», **соқолтуруқ** «особая гребёнка для бороды» и мн.др. [7, с. 115 -125].

В целом ряде случаев наблюдаются существенные различия в процессах номинации одних и тех же денотатов в русском и узбекском языке, например, русскому непроизводному слову соответствует производное слово узбекского языка: **парус** – **елкан** (по-русски возможен дословный перевод «ветряк», но в

русском языке – это «ветряная мельница»; пипетка – томизғич, т.е. «капалка», **веник – супурги**, близко в русскому **метла, метелка** и т.д.).

В других случаях значение орудийности передаётся в обоих языках производными словами, однако с разными внутренними формами, например, в русском языке **линейка** (от линовать), в узбекском – **чизғич** (дословно «чертилка»). Все это примеры разного осмысления и репрезентации однородных конкретных предметов, причём буквально каждый пример – это фрагмент языковой картины мира.

Таким образом, грамматические средства орудийности в контенсивном аспекте представляют собой языковую универсалию, а проявления алломорфизма здесь связаны с самой спецификой формальной организации падежных систем: в русском флективном языке это система флексий (при участии предлогов), в агглютинативном узбекском языке – послелогов.

Библиография

1. Абдуазизов А.А., Зализняк А.М., Шереметьева А.Г. Общее языкознание. Учебник для филологических факультетов. – Ташкент: НУУз, 2003. – 160 с.
2. Абдурахманова А. К. Способы номинации лиц как отражение языковой картины мира в узбекском и русском языках. – Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – Ташкент, 2007. – 24 с.
3. Азизов А.А. Сопоставительная морфология русского и узбекского языков. – Ташкент: Укитувчи, 1983. – 240 с.
4. Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики. - М.: Наука, 1985. – С. 16 – 29.
5. Зализняк А. М. Взаимодействие морфологических и словообразовательных категорий в современном русском языке // Структура и функционирование единиц русского языка. – Ташкент: Университет, 1986. – С. 54-57.
6. Ким О.М. Функциональные аспекты морфологии // Современный русский язык. / Под ред. О.М.Ким. – Ташкент: Укитувчи, 1992. – С.217 – 222.
7. Кононов А.Н. Грамматика современного литературного узбекского языка. – М.-Л. : Наука, 1960. – 446 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь (электронная версия). – М.: 2008. – 5965 с.
9. Русская грамматика. Т. I. – М.: Наука, 1980. – 783 с.

References

1. Abduazizov A.A., Zaliznyak A.M., Sheremeteva A.G. Obshee yazykoznanie. Uchebnik dlya filologicheskikh fakultetov. – Tashkent: NUUZ, 2003. – 160 s.

2. Abdurakhmanova A. K. Sposoby nominatsii lits kak otrazhenie yazykovoy kartiny mira v uzbekskom i russkom yazykakh. – Avtoref. diss... kand. filolog. nauk. – Tashkent, 2007. – 24 s.
3. Azizov A.A. Sopostavitelnaya morfologiya russkogo i uzbekskogo yazykov. – Tashkent: Ukituvchi, 1983. – 240 s.
4. Bondarko A.V. K teorii funktsionalnoy grammatiki. - M.: Nauka, 1985. – S. 16 – 29.
5. Zaliznyak A. M. Vzaimodeystvie morfologicheskikh i slovoobrazovatelnykh kategoriy v sovremennom russkom yazyke // Struktura i funktsionirovanie edinits russkogo yazyka. – Tashkent: Universitet, 1986. – S. 54-57.
6. Kim O.M. Funktsionalnye aspekty morfologii // Sovremennyy russkiy yazyk. / Pod red. O.M.Kim. – Tashkent: Ukituvchi, 1992. – S.217 – 222.
7. Kononov A.N. Grammatika sovremennogo literaturnogo uzbekskogo yazyka. – M.-L. : Nauka, 1960. – 446 s.
8. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar (elektronnaya versiya). – M.: 2008. – 5965 s.
9. Russkaya grammatika. T. I. – M.: Nauka, 1980. – 783 s.